

ОТЗЫВ

**члена диссертационного совета на диссертацию
Прохоренкова Игоря Александровича
на тему: «Польско-литовская антироссийская литературная пропаганда
периода Смутного времени»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история.**

Диссертационное исследование Игоря Александровича Прохоренкова «Польско-литовская антироссийская литературная пропаганда периода Смутного времени» заслуживает пристального внимания и всестороннего анализа. Не вызывает сомнений актуальность изучаемой диссертантом темы: борьба за умы, за влияние на общественное сознание, приобретшая огромное значение в реалиях современных «информационных войн», нуждается в глубоком изучении в том числе и в исторической перспективе. Как специалист по истории Смутного времени начала XVII столетия не могу не отметить важности оказавшегося в центре внимания диссертанта комплекса источников – польско-литовских литературных сочинений пропагандистского характера, вызванных к жизни обстоятельствами развернувшейся в России того времени гражданской войны и военным столкновением Речи Посполитой с Московским государством. В богатой историографии Смутного времени за время её развития исследователями проработан широчайший спектр исторических источников, причём время от времени круг их расширяется за счёт выявления новых, важных, но зачастую случайных архивных находок. Между тем большой массив хорошо известных польским специалистам по истории литературы текстов, имеющих непосредственное отношение к истории российской Смуты, практически не используется (за редкими исключениями) российскими учёными. Между тем изученные диссертантом тексты раскрывают важный аспект истории Смутного времени, показывая, в числе прочего, и процесс формирования соответствующего отношения в социуме Речи Посполитой к восточному соседу, равно как и механизмы влияния на умы читающей (и не только) публики. Данное обстоятельство делает исследование избранной И.А. Прохоренковым тематики не только оправданным, но и крайне необходимым.

Несомненным достоинством анализируемой диссертации является прекрасное знание исследователем историографии проблемы, которая, по очевидным причинам, практически полностью является польскоязычной. Разработка темы требовала от диссертанта владения польским языком и, кроме того, польским языком XVI–XVII вв. И, необходимо отметить, блестящий уровень квалификации в этой области И.А. Прохоренков продемонстрировал вполне убедительно. Отлично разбираясь в польско-литовских

источниках начала XVII в. и посвящённых им работах, в историографии Смутного времени, да и в самих реалиях этого драматического периода российской истории, приходится признать, диссертант ориентируется заметно хуже. На это указывает крайне поверхностный перечень работ; оговариваемый автором намеренный отказ от анализа фундаментальных исследований по истории Смуты в данном случае его совсем не оправдывает, тем более что в перечне привлечённых работ присутствуют труды Д.В. Карнаухова, к Смутному времени отношения не имеющие, а упомянутый в тексте А.И. Цепков и вовсе исследователем не является (С. 25). Равным образом, воспроизводимые в диссертации со ссылкой на авторитет современного исследователя О.А. Курбатова тезисы (С. 115, 176) выглядят наивно – рассуждения о значении Клушинской битвы и «Хоткеева боя» не являются новым словом в науке – они неоднократно озвучивались и ранее – авторами «фундаментальных трудов», которые Прохоренков «намеренно» исключил из анализируемой историографии. Странное впечатление производит пассаж, помещённый в самый конец диссертации: «Несмотря на то, что польско-литовские войска позже пытались взять реванш и снова вторгались в Россию (рейд Лисовского в 1615 г., поход гетмана Сагайдачного на столицу в 1618 г.)» (С. 178–179). Перечисленные события были не новыми вторжениями в Россию, а этапами русско-польской войны 1609–1618 гг. (наряду с неупомянутым и едва не увенчавшимся взятием Москвы походом королевича Владислава в 1617–1618 гг.). Эта азбука «смутоведа» (по выражению А.Ю. Дворниченко), видимо, незнакома диссертанту.

Анализ содержания использованных диссертантом сочинений открывает самые разнообразные исследовательские перспективы. Было бы, например, интересно проследить на основе «кочующих» сюжетов или оригинальных фрагментов взаимозависимость текстов. Например, И.А. Прохоренков приводит сообщение из сочинения Жабчица о спасении царевича Дмитрия неким итальянским доктором (С. 55). Рассказ об «итальянском докторе» обнаруживается также на страницах «Дневника Марины Мнишек», что порождает вопрос о связи двух текстов: имели ли они какой-то общий источник, или же один автор заимствовал сведения у другого?

Необходимо высказать несколько соображений концептуального характера. Во введении к диссертации Игорь Александрович справедливо отмечает: «генезис такого сложного явления, как Смутное время, невозможно рассматривать без внешних факторов, важнейший из которых в историографии обозначается формулировкой “иностранная интервенция”» (С. 4). Между тем и само понятие «интервенция» (от латинского – вмешательство; присовокупление к нему определения «иностранная» считаю излишним – интервенция всегда является иностранной по определению) представляет собой явление сложное. Его применение к событиям российской истории выглядит одновременно и как

архаизм, наследие советской историографии, описывавшей события начала XVII столетия как «крестьянскую войну и иностранную интервенцию», и как своего рода модернизация, когда «вмешательством» именуется любая трактовка событий, отклоняющихся от их официального освещения. Между тем взаимоотношения Московского государства с Речью Посполитой в начале XVII в. описать с помощью лишь этого термина проблематично. Во-первых, Польско-Литовское государство на протяжении долгого времени официально дистанцировалось от событий, происходящих на землях восточного соседа, и даже поддерживавший финансово Лжедмитрия I Сигизмунд III был вынужден делать это тайно. Данную ситуацию нередко определяют как «скрытую интервенцию», но полностью принять данную дефиницию мешает отсутствие в правящих кругах Речи Посполитой единства в данном вопросе – многие влиятельные лица в руководстве страны были убеждёнными противниками участия в «дмитриаде». Во-вторых, применение понятия «интервенция» зависит от «угла зрения», и отряды Сапеги или Лисовского с позиций царя Василия Шуйского состояли из интервентов, для царя же Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия II) – из союзников. Соответственно, в условиях гражданской войны (а Смутное время именно ею и являлось) отделить союзников от интервентов удаётся лишь постфактум по принципу «победителей не судят». Наконец, в-третьих, перемены во внешней политике также создают сложности: в 1609 г. Речь Посполитая не перешла к «открытой интервенции в России» (С. 81), как утверждает диссертант (впрочем, не он один), а начала затянувшуюся на девять лет, до 1618 г., войну с Московским государством. И к этому периоду термин «интервенция» в принципе неприменим, как, например, события Великой Отечественной войны не описываются в категориях вроде «немецко-фашистской интервенции».

Определённые сложности есть и с центральным для исследования термином «антироссийская пропаганда» (отмечу, кстати, что в диссертации рассматривается не только литературная пропаганда, работа шире заявленной темы, и это, на мой взгляд, заслуга диссертанта, делающая его труд ещё более важным и весомым). Если понимать под пропагандой намеренное манипулирование общественным сознанием, то рассматриваемые Прохоренковым источники, безусловно, вполне пропагандистские и тенденциозные. Между тем определение их как однозначно антироссийских или антимосковских возможно далеко не всегда. Как замечательно отмечено в диссертации, литературные памятники, созданные в Речи Посполитой на начальном этапе Смутного времени, не несли в себе негативного заряда в отношении Московского государства и его населения. Призывы поддержать несчастного «царевича» в его борьбе с «узурпатором», помочь русскому народу обрести свободу, строго говоря, антироссийскими назвать трудно. После «кровавой

свадьбы» и, особенно, после начала войны с Москвой, польско-литовская пропаганда приступила к активной трансляции образа врага, «расчеловечиванию» неприятеля, приобретая, несомненно, антироссийский характер. Но следует понимать и то, что создание очернённого образа неприятеля далеко не всегда было основной целью исследуемых диссертантом пропагандистских сочинений. Лично у меня прочтение диссертации вызвало убеждение, что проанализированные в работе И.А. Прохоренкова литературные опусы были в первую очередь регалистскими, преследуя основной целью апологию королевской власти и обеспечение массовой поддержки проводимой Сигизмундом III политики (как внешней, так и внутренней). Антимосковская фразеология здесь выступает средством, но не основной целью.

Цели и задачи, поставленные в диссертации, крайне сложны в достижении и решении. В частности, целью диссертант поставил «выявление информационно-пропагандистского потенциала литературных памятников “малых литературных форм”, изданных в Речи Посполитой в период Смутного времени и посвящённых российской тематике» (С. 6). Потенциал пропаганды, однако, измерить крайне сложно и в наши дни, когда в нашем распоряжении имеется широкий арсенал методов социологических исследований. Но насколько верифицируемы выводы для ситуации, имевшей место четыре века назад? Какова была роль пропаганды в изменении общественного мнения во времена, для которых характерно совершенно иное информационное поле? Какая доля в этих изменениях принадлежит именно исследуемым в диссертации «малым литературным формам»? Всегда ли мы можем быть уверены, что на образ мысли того или иного человека повлиял именно «летучий листок», а не многостраничное сочинение или устный рассказ очевидца событий? В чём и как измерять «динамику роста антироссийских настроений» (С. 7) в Речи Посполитой начала XVII в.?

Отмечу несколько досадных огрехов, допущенных в работе, устранение которых не потребовало бы от автора больших усилий. Было бы неплохо унифицировать используемый в работе календарь: мы сталкиваемся то с юлианским, то с григорианским стилем, вследствие чего Лжедмитрию I приходится погибать 17 и 27 мая, а Смоленск Сигизмунд III вынужден брать дважды – 3 и 13 июня (С. 18, 30, 61, 64, 66, 114, 134, 135, 144, 146, 159, 164). Простым и логичным выходом из ситуации могло быть указание двойной даты, например, 17(27) мая. Совершенно непонятно, зачем диссертанту понадобилось упоминать о хранении материалов варшавского сейма «Центральном Государственном Архиве в Мерзебурге». Более того, автор зачем-то дал название этого немецкого архива на польском языке: Centralne Archiwum Państwowy NRD w Merseburgu (С. 166), позволяя предположить, что данный опус перекочевал в диссертацию из текста кого-то из польских коллег,

творивших во времена Польской народной республики. Отмечу, что ещё в 1994 г. это собрание документов вернулось из Мерзебурга в Берлин и с той поры зовётся Прусским тайным государственным архивом. Впрочем, подобного рода мелкие неточности и курьёзы не определяют лица диссертационного исследования, в целом производящего самое благоприятное впечатление.

С учётом вышесказанного полагаю, что очевидные достоинства представленного к защите диссертационного исследования существенно превосходят перечисленные недостатки работы. Исследован и введён в научный оборот отечественной исторической науки ряд малоизвестных источников, позволяющих не только охарактеризовать развитие малых форм «россики» в литературе Речи Посполитой, но и глубже понять процессы, протекавшие в России в эпоху Смуты, что делает исследование И.А. Прохоренкова значимым и за пределами заявленной специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Содержание диссертации Прохоренкова Игоря Александровича на тему: «Польско-литовская антироссийская литературная пропаганда периода Смутного времени» соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом учёной степени кандидата наук соискателем учёной степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Лисейцев Д.В.

19.09.2024

